

титель, согласился на них и принял их во внимание. Упомянув о том злоумышленно, он может обмануть только незнающих, но не найдет в том справедливого основания упрекать меня. Моё же частое повторение обетов и моё настоящее слово свидетельствуют только о твердости и неизменности моего намерения; но скоро само дело рассеет всякое сомнение и ясно обнаружит: действительно ли у Папы так лежит на сердце благосостояние Святой земли преимущественно перед всем прочим или они более всего думают о том, как погубить меня?

Я сознаюсь неохотно, но и не могу скрыть, что надежда обманула как многих, так и меня. По-видимому, приближается конец мира, ибо любовь, всем управляющая и все содержащая, начинает иссякать, и не только в побочных ручьях, но в самом своем источнике, не только в отпрысках, но и в самом дереве и в его корне. Разве несправедливое отлучение папами графа Тулузского (во времена альбигойских войн) и других князей не подавило их до того, что они выжили в рабство? Разве не Иннокентий III побудил английских баронов к восстанию против их короля Иоанна (Безземельного), как против врага церкви? Но когда смирившийся король подчинил постыдным образом и себя, и свое государство Римской церкви, Папа, желая с нечестивой жадностью насладиться муками страны, предал всякому поруганию и даже смерти тех самых баронов, которых прежде поддерживал и возбуждал, отложив при этом в сторону всякий стыд перед людьми и всякий страх перед Богом. Вот римский образ действия, и я испытал его на самом себе. Под сладкими речами, где мед льется на мед, масло на масло, чтобы тем обольстить и склонить, скрывается ненавистный кровопийца, и римский двор – неужели это истинная церковь! – называя себя моей матерью и кормилицей, она действует, как мачеха, и потому может быть названа началом и корнем всякого зла. Её послы ходят постоянно по всем землям и вяжут, решают, наказывают произвольно; при этом они имеют в виду не сеять и возрастать истинные семена слова Божия, но, как волки в овечьей шкуре,

стремятся поработить освобожденных, потревожить миролюбивых и повсюду выжимать деньги. Они не щадят ни св. церквей, ни убежище убогих, ни жилище праведных, которые созданы нашими предками в простоте и благочестии их сердца. Та первая церковь, которая произвела на свет столькоких угодников, была основана на бедности и невинности, и другого основания, кроме Господа нашего Иисуса Христа, никто не может ни найти, ни положить. Теперь же, когда латинская церковь утопает в богатстве, опирается на него, зиждется им, надобно опасаться, чтобы не обрушилось все ее здание! Если Римской империи, предназначенной к охранению христианства, будут угрожать враги и неверные, император схватится за меч и будет знать, чего требуют его честь и звание; но если отец всех христиан, преемник апостола Петра, наместник Христов, забыв, что мы спасли одного из его преемников от рук Оттона (IV, Вельфа), возбудит против нас врагов повсюду: на что мы должны тогда надеяться? Что начать? Разве в наше время люди, отвергнутые и неблагородные, не простирают своих грязных рук к королевским и императорским титулам? Папы хотят перевернуть весь мир, чтобы видеть у ног своих императоров, королей и князей. Теперь и мы знаем, чего Папа добивается от нас, и от подданных не сокрыто, насколько они могут рассчитывать на помощь церкви, если они вздумают отречься от повиновения законной власти. А потому весь мир должен соединиться к ниспровержению этой несмысленной тирании и к уничтожению всеобщей опасности: ибо никто не избежит погибели, если забудет или опустит помочь несправедливо угнетенному; знай: если огонь обхватил степу соседа – дело идет о тебе (*tua res agitur*)».

Так выражал император, в порыве негодования и сознавая свои силы, те убеждения, которые в нем сложились и укрепились; они стояли в прямом противоречии с основоположениями господствовавшей церкви, и потому речь могла идти не о примирении, а о перемирии на время. На дне всего продолжал господствовать разрыв, и через все события той эпохи тянется непре-